

Монография Л.А. Ивановой написана хорошим литературным языком. Уяснению исторических обстоятельств и фактов помогают обширные биографические справки о персонажах исследования – участниках экспедиций Кука, русских чиновниках, принимавших английских мореплавателей на Камчатке, историках и этнографах, занимавшихся изучением Куковской коллекции Кунсткамеры. Доказательную базу исследования во многом делает более убедительной большое количество иллюстраций, включенных в книгу. К сожалению, большая их часть не цветные, а черно-белые.

К числу недостатков монографии следует отнести удивительно большое для академического издания количество опечаток. Небрежно составлены указатели имен и географических названий. Автора можно упрекнуть в наличии некоторых повторов (с. 5 и 224, с. 53 и 139), а также в ряде неточностей. Великий князь Константин Павлович не был старшим сыном Павла I (с. 67). Им был, как известно, Александр Павлович, будущий император Александр I. На с. 252 использована устаревшая аббревиатура ЦГИА для обозначения Российского государственного исторического архива (РГИА). Хотелось бы также видеть более проработанными рассуждения автора о происхождении волос, которыми оторочены края тайтянских пекторалей. Предположение о том, что это, скорее всего, седые человеческие волосы, выглядит не слишком убедительным (с. 201–202).

Вместе с тем отмеченные недочеты не снижают высокой оценки рецензируемой монографии. Исследование Л.А. Ивановой позволило восстановить в максимально возможной на сегодняшний день полноте Куковскую коллекцию Кунсткамеры и тем самым повысить ее научную значимость. Труд автора окажет неоценимую услугу специалистам, изучающим историю и этнографию народов Океании, историю географических открытий в этой части земного шара. Несомненно также, что методика исследования состава музейных коллекций, его эволюции в историческом времени и музейном пространстве, предложенная в рецензируемой монографии, найдет свое применение в других музеях страны. Книга Л.А. Ивановой представляет собой заметный вклад в отечественное музееведение, в историю российской этнографии и – в более широком контексте – в изучение истории российской науки и культуры в целом.

ЭО, 2007 г., № 5

© А.А. Бурькин, В.А. Попов. Рец. на: М.С. Куропятник. *Коренные народы в процессе социальных изменений*. СПб.: СПбГУ, 2005. 244 с.

Хорошо известно, сколь серьезными являются проблемы этнических меньшинств и коренных народов в современном обществе и какое значительное внимание уделяется этим проблемам в этнологии, этносоциологии и этнополитологии. Публикации, посвященные этим сюжетам, столь многочисленны, что за ними трудно даже следить, а перед исследователями еще стоит задача отделять фундаментальные проблемные работы от политологической и социологической публицистики, продуцируемой современными представителями истеблишмента коренных народов (термин "элита" тут не подходит) и в декларативной форме выражающей интересы этого самого истеблишмента. Поэтому название рецензируемой книги не может не привлечь внимания – более того, к ней обратятся как ученые, так и представители самих коренных народов.

Как сказано в аннотации к книге М.С. Куропятник, "монография посвящена исследованию современных тенденций социального и этнокультурного развития коренных народов". Но вот что удивительно: какой именно народ, или какие коренные народы имеются в виду и являются объектом исследования, поначалу неясно. Лишь во второй главе выясняется, что речь идет о саамах, проживающих в России, Норвегии, Швеции и Финляндии. Другими словами, название книги явно не соответствует содержанию, поскольку речь идет только о саамах, причем о саамах как этническом меньшинстве (ср. также название книги и название ее вводной главы – "Мень-

Алексей Алексеевич Бурькин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); e-mail: albury@rambler.ru

Владимир Александрович Попов – доктор исторических наук, руководитель Центра политической и социальной антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, профессор кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: popoff@kunstkamera.ru

шинство как социальный феномен"), а не о коренных народах, хотя и о последних тоже, но эти базовые для данной темы понятия никак не соотносены друг с другом, не дано их иерархии. Из содержания книги совершенно не ясно, что автор понимает под "коренными народами", хотя можно догадаться, что имеются в виду малочисленные народы Севера (Арктики и Субарктики), но такое понимание коренных народов не экстраполируемо ни на другие малочисленные народы и этнические меньшинства России, ни на те этнические меньшинства, которые живут по различным причинам в нескольких государствах. Ситуация же с саамами, обитающими в четырех государствах, не типична для коренных народов и их сообществ, и едва ли она может быть перспективным объектом для теоретизирования. Впрочем, похожая ситуация с эскимосами, проживающими в России, США, Канаде и Гренландии, однако эскимосы в книге упоминаются едва ли не единожды (с. 60).

В книге пять глав, содержание которых меняется от умозрительно-теоретического, базирующегося на значительном объеме этнографической и отчасти социологической литературы (гл. 1), до весьма конкретного, характерного для исторических и этнографических исследований советского времени, представления статистической динамики этнических и хозяйственных изменений у российских саамов (гл. 5). От такого рода работ данные разделы обсуждаемой книги отличает только то, что, если ученые 1950–1970-х годов однозначно подавали подобные изменения со знаком "плюс", а авторы конца 1980–1990-х годов – со знаком "минус", усматривая в судьбе коренных народов деструктивное воздействие тоталитарного режима, то автор воздерживается от каких-либо оценок, хотя и воспроизводит безо всяких изменений и дополнений текст своей кандидатской диссертации, защищенной почти 20 лет назад (*Куропятник* 1989).

Все главы и большинство разделов книги абсолютно дискретны, т.е. представляют собой самостоятельные блоки и никак не связаны друг с другом. Научные категории, которые в большом количестве зачем-то вводятся, объясняются и детально характеризуются в каждой главе (например, "бенефициарии права", "инкапсулированность", "политика идентичности" и другие "концепты", "дискурсы" и "стигмы"), практически не используются. "Введение" и "Заключение" не являются таковыми по жанру, в них нет ни постановки проблемы, ни результатов исследования, но есть изложение материала со ссылками.

По прочтении книги остается недоумение, поскольку не ясно, зачем все это написано, ибо процесс социальных изменений не показан, не определены даже его хронологические рамки, и никакого нового знания эта "монография" не дает. Наконец (и это, как нам представляется, самое главное), нет решения научной проблемы и даже непонятно, в чем она заключается. Нельзя же всерьез считать таковой загадочную для непосвященных индигенность – то ли форму социальной организации культурных различий, то ли форму концептуализации культуры, – сам автор путается в определении того, что означает всего лишь "принадлежность к коренному народу". Эта индигенность, скорее всего, появилась только потому, что и звучит "красивше", и выглядит наукообразнее (может быть, даже теоретичнее) – ведь М.С. Куропятник защищала эту книгу в качестве докторской диссертации.

Между тем книга соответствует уровню всего лишь заурядного студенческого реферата с весьма туманным представлением о предмете. Более или менее удовлетворительно выглядят только историографические разделы, где излагается, кто что сказал, да и большинство остальных сделано по этому же принципу, что создает впечатление некой кучи совершенно неосвоенных терминов, неосмысленных теорий и гипотез, о которых рассказано непонятно зачем. Исследовательская часть отсутствует, и книга выглядит как сборник плохо состыкованных цитат, многие из которых закавычены. Если присмотреться к тому, как организован текст, то нельзя не заметить, что почти каждый абзац заканчивается ссылкой на источник, откуда он переписан, причем с сохранением стиля, терминологии и ментальности его автора. В связи с этим некоторые места просто не поддаются дешифровке (например, 2-й и последний абзацы с. 93 и 2-й абзац с. 91), а текст 2-го абзаца с. 113 – свидетельство полного непонимания проблемы.

В книге отражены мнения разных исследователей по самым разным вопросам изучения этнических меньшинств, кроме, пожалуй, одного – мнения самого автора. В тех немногих случаях, когда автор высказывает как бы собственное суждение и даже возражает, хотя и без аргументации, как, например, на с. 91, возникает абсурдная ситуация, поскольку позиции противопоставляемых ему исследователей на самом деле идентичны, только изложены с помощью разных научных категорий. Здесь же приводится классификация А.Р. Рэдклифф-Брауна с указанием странички его работы, однако ничего похожего на этих страницах нет, и ничего подобного он никогда не пред-

лагал. Показательно и то, как указаны страницы – с. 1–85, т.е. не конкретная страница, откуда якобы взята заковыченная цитата, а все его предисловие к сборнику – попробуй найти.

Справедливости ради следует отметить, что в книге прослеживаются некоторые попытки осмыслить формальный аппарат исследования, но и в этом случае М.С. Куропятник ограничивается изложением мнений других ученых: "Ф. Барт определил этничность как социальную организацию культурных различий" (с. 16), "В.Д. Буков предлагает различать этногенез, этногению и этнизацию. При этом этногенез понимается как процесс образования сообщества по этническому признаку" (с. 19), и из дальнейшего изложения ясно, что речь идет о формировании закрытого, точнее, самозакрывающегося сообщества, а под этнизацией понимаются процессы дифференциации сообществ. Чем же тогда нарастание этнических различий отличается от определенных фаз этногенеза? Почему разные миграционные модели классифицируются по степени архаичности, а не по степени природной обусловленности (с. 82) – тоже остается неясным.

Обзор определений понятия "коренной народ" (с. 32, 39 и др.), безусловно, интересен, как и представление этого понятия в Конвенции МОТ № 169 "О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни" (с. 33). Правда, нам не удалось найти в монографии сведений о том, сколько же государств в настоящее время ратифицировало данную конвенцию (10 лет назад таких государств было всего 6, а из стран, являющихся предметом внимания автора, была представлена одна Норвегия).

В том, что касается теоретического аппарата науки в целом и формального аппарата работы, автор занимает странную позицию: с одной стороны, масса использованных трудов отечественных и зарубежных авторов обеспечивала потенциал к обогащению теоретической базы работы, но, с другой стороны, автор явно стремится удержаться в границах привычных понятий. Один из разделов называется "Саамы как этнолингвистическая и социокультурная общность" (с. 69). Но, во-первых, что такое "этнолингвистическая общность", не знают ни лингвисты, ни этнографы, во-вторых, непонятно, чем не нравится автору понятие этноса, даже если оно и становится в наши дни предметом ожесточенных дискуссий. Непрерывность процесса этногенеза как будто бы никем не оспаривается, во всяком случае, процесс аккумуляирования локальных культурных различий в территориальных группах ничем не отличается от этногенеза, даже если этот процесс находится под действием каких-то политических факторов, препятствующих формированию этнического самосознания и его проявлению, хотя, безусловно, признаки формирующихся этносов постепенно изменяются. Какое значение для автора имеет давно оставленная и не принимавшаяся всерьез языковедами теория лингвистической непрерывности (с. 73) – непонятно. В применении к коренным народам логичнее было бы говорить о "государственной непрерывности", которая в прошлом не только объединяла разные группы одного этноса, но и связывала разные этносы, не имевшие собственной властной организации. Вслед за Л. Хансеном автор считает, что "концепт гомогенного, недифференцированного общества охотников в настоящее время нерелевантен в общесаамском контексте" (с. 76).

Особенно заметно, что разделы о родстве у саамов совершенно не увязаны с основной проблематикой и выглядят самым необязательным довеском. Нельзя не отметить, что автор путает базовые понятия "родство", "система родства", "система терминов родства" и "счет родства", в частности отождествляет билатеральный счет родства с билатеральной системой родства, каковой не может быть по определению. На самом деле ею описывается явление, которое принято называть бифуркативностью (различение патри- и матриллатератов) – одного из двух структурообразующих принципов любой типологии систем терминов родства. Нельзя также не заметить, что производность терминов для кузенов от терминов для сиблингов не является подтверждением их терминологического слияния, к тому же на с. 92 дается прямо противоположное заключение о четком разграничении сиблингов и кузенов. Вызывает удивление, что в книге, посвященной социальной динамике, напрочь отсутствует сюжет о переходном характере саамской системы родства, т.е. о трансформации от одного исторического типа к другому, чему была посвящена одна из первых публикаций автора (*Куропятник* 1995).

Абсолютно непонятно и то, как в интерпретации автора саамские термины родства связаны с типом саамской общины (с. 76–77) и как системы родства связаны с этничностью (с. 110 и сл.), ведь типология систем терминов родства показывает нам, что эти системы и системы родства не зависят от типа традиционного хозяйства и в минимальной степени зависят от организации общества – структуры, формируемые терминами родства, оказываются гораздо архаичнее наблюдаемых социальных структур, системы терминов родства меняются медленнее, чем соци-

альные структуры, и более того, мы знаем, что изменения в терминологии родства имеют по преимуществу лингвистические, а не социальные механизмы.

На с. 115–116 в качестве достижения автора дан глубокомысленный вывод: "Таким образом, связывают людей только те родственные отношения, которые признаются социально значимыми". Но ведь это исходная посылка всей антропологии родства, восходящая к первооткрывателю феномена систем родства Л.Г. Моргану. (Ёрничая, трудно удержаться, чтобы не вспомнить известный анекдот "из жизни чукчей": чукотским ученым, наконец, удалось расшифровать сигналы светофора.) В связи с этим вполне уместным является вопрос об уровне преподавания М.С. Куропятник таких дисциплин, как "Введение в изучение родства" и "Социальная антропология", на факультете социологии СПбГУ.

Материал по этнической идентичности современных саамов (с. 202 и сл., 217 и сл.) хотя и интересен, но, вопреки теоретической направленности книги, тоже не осмыслен. Между тем при утрате родного языка и большей части компонентов этнической культуры для саамов и представителей других народов большую роль играет территориальная идентичность, которая даже при мощном интеграционном давлении формирует антецедентную, почти протестную идентичность, стремление выделиться из большинства, объединяемого плохо мотивированным политиком, в меньшинство и тем самым занять опустевшую, но все-таки наличествующую лакуну в этнической номенклатуре России. Гораздо сложнее обстоит дело с признанием идентичности групп русских старожилов Сибири, где одна часть групп русского старожильского населения также встраивается в доставшиеся по наследству от коренных народов этнические лакуны (чуванцы, камчадалы), а другая часть (русско-устыинцы, колымчане) вынуждена довольствоваться их признанием как "местных русских", поскольку явные культурные отличия в отечественном сознании не дают такой группе населения статуса особого этноса – для этого данная группа должна иметь как минимум особую этнополитическую историю.

Вследствие обилия цитат и изложений в книге теряются некоторые ценные сведения – например, о том, что в Швеции кочевые школы для саамов появились еще в 1913 г. (с. 119); к этому можно добавить, что у нас эксперименты по их созданию для народов Севера начались только во второй половине 1980-х годов, а результаты их деятельности не имеют освещения до сих пор. Обсуждая соотношение традиционных культур с культурой доминирующего общества (с. 126), автор явно не учитывает того, что сами традиционные культуры модернизируются и собственно традиционными в них остается только область хозяйства и некоторые черты духовной культуры, меняющие свой статус от традиционного до "музейного". Стратегия поддержания различий, которая, согласно М.С. Куропятник, характерна для политики в отношении саамов современной России (с. 219), на наш взгляд, универсальна и характерна не только для всех северных регионов России, но в той или иной форме и для других стран.

В книге есть один тезис, который хотелось бы обсудить подробно – это утверждение, что "роль культурных брокеров, или интерпренеров (так у автора. – А.Б., В.П.), медиаторов между коренными народами, государством и международным сообществом может выполнять элита коренных народов, а также антропологи, этнографы и миссионеры" (с. 50). Во-первых, элита коренных народов – это последние оленеводы и охотники на морского зверя, а вовсе не тот истеблишмент, который представлен в изобилии на политической сцене и культурном подиуме работниками "языкового труда" – педагогами и литераторами, представителями творческой интеллигенции – артистами и мастерицами, сотрудниками регионального административного аппарата и местных СМИ, и который выполняет функции не столько "брокеров", сколько этнокультурного ОМОНа, который физически сдерживает проникновение посторонних в сферу интересов стигмированных малочисленных этносов.

Во-вторых, в районах проживания народов Севера РФ миссионеры разных христианских церквей представлены в таком количестве и разнообразии, что из этих "брокеров" уже можно организовать биржу. В-третьих, если различия во взглядах на культуру коренных народов и судьбы этой культуры являются объективным свойством науки, то представители коренных народов, близкие к научной сфере или местной власти, уже пытаются манипулировать наукой в своих интересах, отдавая предпочтение тем исходным положениям или выводам, которые отвечают их собственным интересам, и создавая преференции тому кругу ученых, с которыми они чувствуют себя максимально комфортно. Так, заведующий кафедрой этнокультурологии Института народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена И.Л. Набок, издающий пухлые серийные сборники "Реальность этноса", однозначно является таким культурным брокером, но им не имеет шансов стать В.А. Тишков как автор книги "Реквием по этносу". Конъюнктура на культурных

брокеров, характерная для наших дней, превращает этнографию из науки в публицистику – понимает ли это автор?

Список литературы к книге М.С. Куропятник (с. 222–241) хотя и объемный, – несколько сотен названий как отечественных, так и зарубежных работ, – но не полон. В нем нет монографий В.А. Тишкова и фундаментальной книги патриарха отечественной этнографии народов Севера З.Е. Чернякова "Саамы", изданной в 1998 г. в Финляндии. Не отражена в нем и кандидатская диссертация Е.П. Васильевой, посвященная историографическому изучению источников по этнографии кольских саамов и защищенная несколько лет назад в РГПУ.

Конкретный вклад в разрабатываемую проблему (индигенности?), который представлен в книге, довольно скромный – это материалы по этнодемографии и современному хозяйству российских саамов в гл. 5 (с. 167–202), что составляет около одной восьмой части объема книги. В целом работа М.С. Куропятник, безусловно, полезна для этносоциологов и этнополитологов, но, судя по всему, ее полезность сводится преимущественно к перечню и обзору литературы по странам и народам Северной Европы, а также к сводке приглянувшихся автору цитат. Те, кто, по мысли автора, нуждается в культурных брокерах, просто едва ли в ней что-либо поймут.

Литература

Куропятник 1989 – *Куропятник М.С.* Формы социальной организации саамов Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук, Л., 1989.

Куропятник 1995 – *Куропятник М.С.* Система терминов родства кольских саамов // *Алгебра родства*. Вып. 1. СПб., 1995.